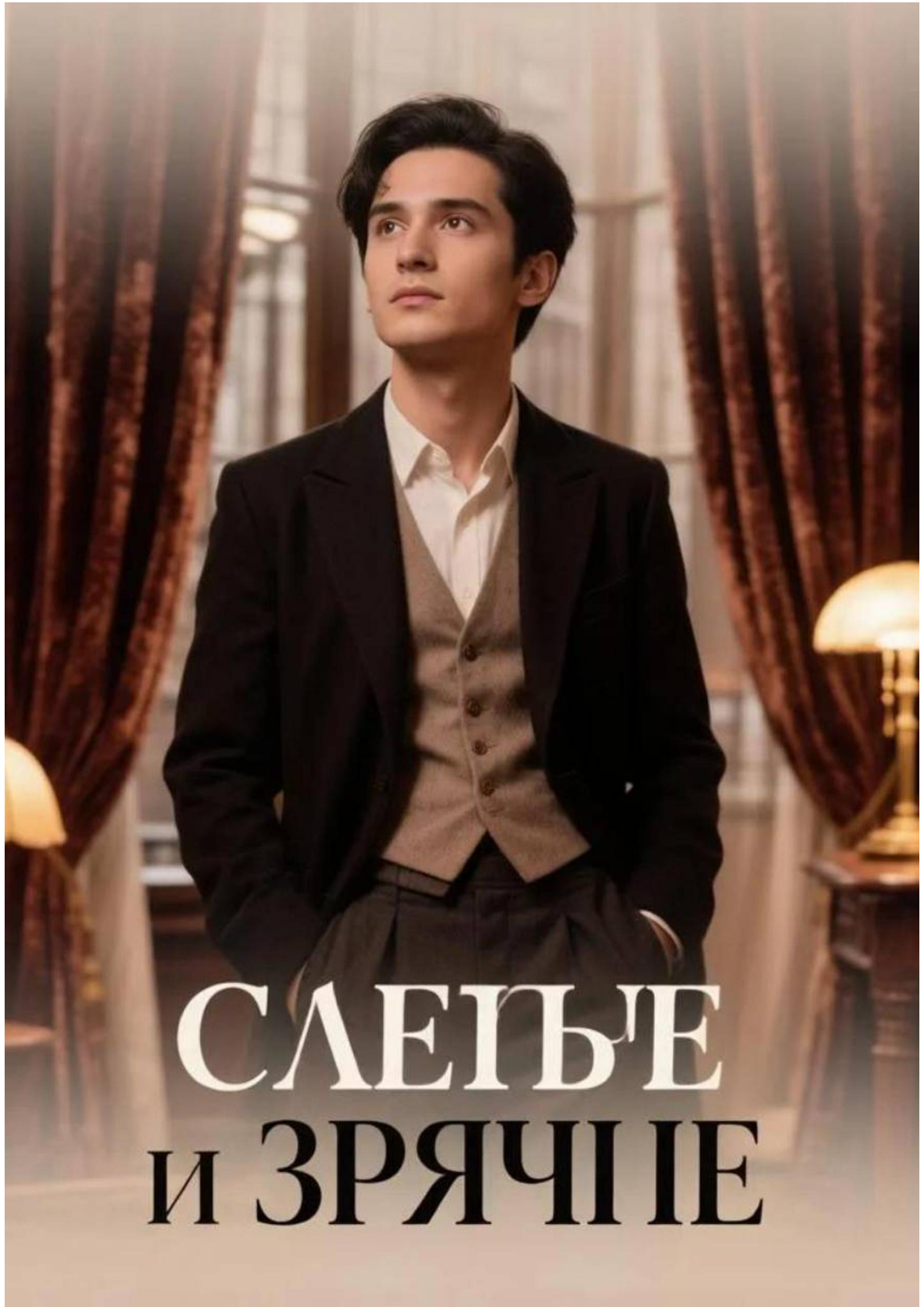

A man with dark hair, wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt and a grey vest, stands in a room with heavy brown curtains. He is looking upwards and to the left. A lamp is visible on the right side of the frame.

СЛЕГЪЕ И ЗРЯЧИЕ

Светлана Ильина

Слепые и зрячие

«Автор»

2026

Ильина С. В.

Слепые и зрячие / С. В. Ильина — «Автор», 2026

Отца Елизария ждёт неожиданное испытание. Личные проблемы и вопросы неожиданно переплетаются с семейными загадками. Молодой племянник Руслан, хотя и слепой, всё же упорно расследует причину смерти своего отца.

Елизарий не верит в убийство, но вместо того, чтобы отговорить племянника от глупого занятия, невольно втягивается в это сам. Шаг за шагом - они приближаются к разгадке, однако концовка выходит совершенно неожиданной и ошеломляет их обоих. Что сильнее - интуиция слепого или очевидная реальность зрячих людей? Да и бывают ли абсолютно зрячие люди? К какому выводу пришёл отец Елизарий в конце этой истории - об этом книга.

© Ильина С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Ильина

Слепые и зрячие

Пролог

Два старца

Притча

“Но духовный судит о всём, а о нём судить никто не может.”

(1 послание к Коринфянам святого апостола Павла гл.2:15)

В одном из глухих сёл, прилепившихся к скалистым горам Кавказа, пошёл слух, что где-то в пещере поселился старик.

— А может, и не старик он, а злой дух, шайтан, — беспокоилась первая сплетница села, старая вдова со скрюченной спиной.

— Брось, что нужно шайтану от нашего села? Неужто места получше не нашлось? — возражали ей односельчане.

— И всё-таки он колдун, — сжав тонкие губы, не унималась женщина, — видано ли дело — жить одному в пещере?

Нашлись смельчаки, кто попытался познакомиться с отшельником.

— Да это просто старик, — объявил пастух. — Я его встретил возле пещеры, когда искал пропавшего барана. И никакой он не колдун, а просто отшельник, весь седой, и борода у него длинная-длинная. Правда... странный он какой-то... — вдруг замолчал пастух, задумавшись.

— Вот! Я говорила — шайтан! — обрадовалась неугомонная вдова. — А в чём странность-то?

— Так слепой он, ничего не видит, — вспомнил пастух, — но сразу сказал, где искать моего барашка.

— Ишь, удивил, — скептически пожала плечами другая женщина, — просто он услышал его блеяние.

— Нет, не мог он услышать. Он сказал, что мой барашек запутался в терновнике далеко от того места, где он сидел. А ещё... он дал мне совет.

— Какой совет? — вскинулась сплетница.

— Ну это уж я вам не скажу, — усмехнулся пастух. — Идите и поговорите с ним сами.

Снедаемые любопытством, жители села один за другим посетили отшельника. Старик оказался и вправду слепым, но добрым и мудрым.

— Как же он один выживает в пещере? — удивлялся старейшина села.

— Так мы же ему носим еду, а ему много и не надо, — поясняли селяне.

— Вам-то это зачем? Чего вы к нему ходите?

Жители и сами не понимали, почему их так тянет к отшельнику.

— Он нам советы даёт, — задумчиво проронил кузнец. — Мне так всю жизнь объяснил.

— Вот те на, — удивился старейшина. — Разве твоя жизнь такая сложная, что её нужно объяснять?

— Не-е-е, не сложная, — почесал в затылке кузнец, — а только после его слов я с женой помирился.

Слова кузнеца задела старейшину за живое. Сколько раз он пробовал его усовестить, но никакие увещания не помогали — кузнец оставался драчливым и упрямым, что тебе старый осёл. А какой-то пришлый старик сразу нашёл нужные слова... Чудеса.

Но на этом чудеса не кончались. Чаще всего к отшельнику повадилась ходить та самая вдова-сплетница, что больше всех его боялась. Как придёт от него, так и молчит два дня, из дома не выходит. А как выйдет, так и не узнаешь её — вежливо поклонится при встрече и дальше пойдёт. Ни дурного слова, ни даже новости односельчане больше от неё не слышали.

Чудесные изменения касались и других. Но главное было в том, что все как один утверждали, что старец всё обо всех знает.

— Так это ж наша вдова ему про всех рассказывает, как вы не понимаете? — пытался вразумить их старейшина.

Однако сельчане только головой качали в ответ, мол, не она это.

Наконец любопытство победило, и на заре занимавшегося летнего дня старейшина отправился посмотреть на отшельника.

Была у него тайная мысль: может, тот подскажет, как ему сына к послушанию привести? Все уважали старейшину, а в сына будто шайтан вселился — никакого почтения к отцу: растёт лентяем, за скотиной не следит, целыми днями проводит за книгами и даже жениться решил по своей воле, не советуясь с родителями. Стыд и позор!

Подниматься к пещере пришлось долго, и старейшина пожалел, что не взял с собой воды. От жажды пересохло во рту и губы покрылись коркой.

А вдруг у отшельника тоже нет воды, ведь тут до реки ой как далеко? — вспыхнула тревожная мысль.

Каково же было его удивление, когда извилистая тропинка привела его прямо к прозрачному роднику, бьющему из расщелины большой скалы. Откуда он здесь взялся? Старейшина ещё мальчишкой облазил эти скалы и никогда не замечал этого чудного родника.

Напившись досыта, он поднял голову и увидел чуть повыше сидящего на большом камне белого-белого старца. Тот грелся на солнце и что-то медленно перебирал в руке.

— Вы ко мне, уважаемый? — вдруг раздался приятный и удивительно молодой голос отшельника.

Старейшина вздрогнул.

— Вы меня видите?

— Нет, слышу. Слышу, как вы вздохнули с облегчением, напившись. Родник — подарок Господа Вседержителя. Слава Ему во веки.

Старейшина, почувствовав себя значительно лучше, подошёл поближе к старцу.

— Кому подарок-то, старец?

— Тем людям, которые захотят прийти ко мне.

— Ты знал это заранее?

— Знал. Потому что и внутри меня когда-то жило любопытство. Лишь ослепшие глаза избавили меня от него.

— Гм... А всё же, отшельник, нехорошо дурачить народ. Ведь это сплетница-вдова тебе наболтала про нас? Иначе откуда ты знаешь всё про сельчан?

— Скажи, уважаемый, ты кому-нибудь рассказывал про боль своего сердца?

Старейшина сделал шаг назад.

— Н-нет, но у меня и нет никакой боли. Есть сын, который меня не слушается, но... я смогу, решу... Впрочем, ты прав... и наверняка опять эта сплетница выболтала! Да-да, ты прав, есть боль!

Отшельник опустил голову и, казалось, не слушал.

Вдруг он сполз с камня и рухнул на колени, подняв сухие, морщинистые руки к небу.

— Господи Вседержителю, прости меня! Прости моё жестокосердие! Я хочу, чтобы всё было по-моему, а если нет, то озлобляюсь и упрекаю всех вокруг! Господи, прости меня...

Он сильно плакал и бил себя в грудь, перечисляя грехи. Старейшина поначалу удивлялся, почему этот отшельник именно сейчас, при нём решил покаяться перед Богом? Но чем больше

грехов перечислял старец, тем тяжелее становилось на сердце старейшины. Ему казалось, что он попал на суд и каждое слово хлещет его по груди, по голове, по лицу, словно бичом.

— Это твои грехи, твои! — кричала неумолимая совесть.

В конце концов он не выдержал этой муки и завопил, бросившись к старику:

— Остановись, отшельник! Да-да, я такой, такой! Но как ты, слепой, видишь меня насквозь и знаешь мои грехи? Как ты мог их узнать?

Старец умолк и ещё некоторое время вздыхал. Наконец он негромко ответил:

— Успокойтесь, уважаемый, я не знаю ни тебя, ни кого-либо другого из вашего села. Каждому из вас я говорил только свои грехи.

Глава 1

В последнее время у отца Елизария появилось стойкое ощущение, что его жизнь зашла в тупик. Обедню служил он исправно, крестил, венчал и отпевал деревенских мужиков и баб по-прежнему, а по вечерам нападала такая тоска, что хоть из дома беги. Пасха в этом году случилась рано, и после Светлой недели Елизарий почувствовал, что выдохся. Служить — служил, а радости не было. Даже чтение любимых книг не помогало.

Он поймал себя на мысли, что всё время чего-то ждёт. Помолившись и поразмыслив, понял — в глубине души он ждёт, что ссылка сюда, на кладбище, в конце концов закончится.

— Да разве я преступник, Господи? — по привычке разговаривать с Богом, по-простому вопрошал он. — Ну провинился, не удержал когда-то свой язык, согласен. Ужасно, что матушка померла здесь... Но неужели Ты хочешь, чтобы и я закончил жизнь здесь, на кладбище? На что тогда я учился? Столько книг перечитал? Кому здесь всё это нужно?

Проповеди Елизарий составлял уже проще некуда, чтобы пастве было понятней, но от этой простоты его и самого коробило.

— Эх, правильно сказано: с преподобным преподобен будешь, а с моими прихожанами, пожалуй, отупеешь, — ворчал Елизарий, когда после проповеди приходилось ещё и растолковывать отдельные слова.

— Вот скажи, батюшка, — подшаркивала к аналою какая-нибудь матрона престарелая, — я глуховата стала, не разобрала... Чегой-то ты нонче сказал про ниву... энту Христову? Кто ж на неё, родимую, плевал?

— Да не плевал, а много плевел, — в ухо, спрятанное под слоем платков грязно-серого цвета, разъяснял Елизарий, — сорняков, значит. Поняла?

— Ага, ага, — кивала она, — так что ж получается, в раю тоже сорняки растут?

— Мать, ты вообще ничего не понимаешь? — закипал Елизарий, — нива Христова — это мир наш христианский, но враг рода человеческого, дьявол то есть, и среди нас вражду сеет. Плевелы эти... Понятно тебе?

— Батюшки-светушки, — старуха испуганно крестилась и оглядывалась на прихожан, выходящих из церкви, высматривая “плевелы”, — свят, свят, свят... Чур меня...

Общее настроение паствы тоже удручало Елизария. Если на службе стояли одни его крестьяне, которых Елизарий воспитывал, как мог, — ещё куда ни шло — порядок блюли. Но если уж заезжали из города — считай, служба пропала. Никакого благоговения: детишки бегали, груднички орал, бабы их тетёшкали “пш, пш”, шипя, будто змеи, отчего дети не замолкали, а продолжали орать, пока их не вынесут на улицу. Да и взрослые, не стесняясь, обсуждали свои дела, будто и не на службе стоят.

В такие минуты Елизарию было особенно тоскливо — всё чаще ему казалось, что народ Бога вовсе не ищет, а посещая церковь, исполняет скучную повинность.

Выручал батюшку лишь староста, добровольно подвизавшийся в лавке. Владелец мельницы — Водовозов Назар Ермолаевич — обладал высокой, мускулистой фигурой и был нетороплив в шаге и речах. И борода, и брови, и усы его когда-то были тёмными, а с возрастом будто присыпались мукой, но по-прежнему грозно кустились над карими строгими глазами.

Как услышит Назар Ермолаевич шум и возню, сразу выйдет из лавки, подойдёт к нарушителю да строго глянет из-под густых бровей. Детки тотчас испугаются и спрячутся за мамку, а бабы так и замрут со свечкой в руках, будто и не надобно им никуда протискиваться через толпу.

После очередной обедни с дьячком, провонявшим перегаром и клирос, и алтарь, Елизарий еле доплёлся домой и рухнул на лавку.

— Господи, если я хоть немного Тебе нужен, помоги, — вздыхал он, поглаживая кошку Муську, — а если не нужен, то возьми жизнь мою. Нет моих сил. Не нужен я здесь никому, зря только землю топчу.

А тут ещё и кости разнылись от апрельской сырости.

— Боже милостивый, — сокрушался Елизарий, глядя из окна на вязкую, белесую дымку, расплывшуюся по кладбищу и каждую ночь подбиравшуюся к дому, — пожалей мои старые кости...

Чувство вины за ошибки прошлого опутывало всё сильнее, и не было сил выбраться из этой паутины. Вековые деревья корявыми ветками по ночам скребли по крыше, и Елизарию чудилось, что он слышит тихий, но назойливый шёпот, напоминающий о содеянном.

— Чего ты смурной такой, батя? — окликал его староста, — весна, Пасха, а ты насупился. Али болеешь?

— Болею, — цедил Елизарий.

Но болело не тело, а душа.

Сам того не подозревая, ещё больше разбередил его душу близкий друг — Поликарп Петрович. Неделию назад зашёл на чаёк поздним вечером, стал спрашивать про прошлое житьё-бытьё, и завспоминал Елизарий, расчувствовался, фотографические карточки, уже пожелтевшие, достал. Как увидел покойную матушку-красавицу да себя молодого, так и защемило сердце.

— Вот ведь, Поликарп, даже у преступников срок наказания заканчивается, а меня Господь, видать, здесь схоронить решил. Уже не узнаешь меня, былого, — с горечью бросил Елизарий, подавая приятелю карточку.

— А ведь ты мне, отче, так и не рассказал, за что тебя сюда консистория-то определила? — вглядываясь в снимок, спросил тот.

— Сложно сказать... — повёл плечами Елизарий, — за нрав мой упрямый, похоже, да за прямоту... Давай карточку, уберу... Ну, если интересно, слушай... Отец мой, дьякон Илия, Царство ему небесное, состоял при кирасирском полку Ея величества императрицы Марии Фёдоровны в нашей родной Гатчине. Я частенько с ним ходил на молебны, и с обычаями полковыми знаком. Офицеры там, не чета другим, честь свою блюли, солдатиков не били, даже бранными словами не полагалось ругать.

— Ну уж скажешь, — ухмыльнулся полицмейстер, — без этого никак не можно, не поймут солдатики.

— Тебе, конечно, виднее, а только я сам слышал, как полковник распекал какого-то не в меру горячего офицера... Нет, всё ж полк Ея величества... Нравы благородные там. Так я по стопам отца, считай, пошёл — полковым священником стал.

— Много поездил?

— Много... Ох и поскитались мы с матушкой... В Брест-Литовске начали, потом в Сибирь, а напоследок меня в Гродно отправили. Оттуда уж сюда попал.

— Гродно... Гродно... Не там ли при царе-батюшке Николае Павловиче восстание поляков началось?

— Там, — вздохнул Елизарий, — кажется, уж больше пятидесяти лет прошло, а злоба людская в сердцах, словно змея, затаилась. Командир-то наш и сам оттуда родом. Часть в строгости держал, а по мне — так его строгость больше на жестокость походила. Ну не мог я молчать, веришь ли, Поликарп?

— Верю, верю, отче, не горячись, рассказывай.

— Во всех своих бедах, так уж повелось, винят нас, духовенство. Мол, мы, кутейники, только и пьянствуем, вместо того, чтобы народ воспитывать. А я, вишь, у нашего полковника был словно бревно в глазу.

— Это почему же?

— Дак, не пил и по причине бедности в карты не играл, а с матушкой мы жили душа в душу...

— Так чего ж он тебя невзлюбил?

— Я же говорю, за солдатиков ходатайствовал. Он в карцер определит кого-нибудь, а то и под суд, а я пытаюсь смягчающие обстоятельства найти.

— Как адвокат, что ли?

— Ну, пусть так, — кивнул Елизарий, — а кто же за них, бедолаг, заступится? Вон, у последнего, помню, отец помер. Солдатик письмо получил, выпил с горя. А пьяным сгоряча маленько офицера какого-то поколотил... Солдат-то высо-о-о-кий да плечистый был, кулачищи будто у кузнеца. А может, он и был кузнецом-то... не ведаю. Так вот... Его уж расстрелять грозились! Слыхано ли дело?

— Ну ты скажешь, отец, это ж армия, там порядки не то, что на гражданке.

— Эх, Поликарп, порядки везде должны быть Христовы! — загорячился Елизарий, — нельзя из-за одной провинности человека жизни лишать!

— Так помогло твоё заступничество?

— Помогло, — улыбнулся Елизарий, остывая, — его в другую часть отправили, там, вроде, как-то по-другому наказали, не расстреляли. Но с тех пор полковник всё повода искал на меня жалобу написать. И вот ведь что удумал...

— Неужто напоил сливовой настойкой? — с хитрой улыбкой спросил приятель, кивая на початую бутылку сливовицы.

Елизарий почувствовал, что покраснел.

— Такую только твоя благоверная делает. В армии пьют другое... Нет, полковник решил меня осрамить перед всем полком. На день части, после торжественного молебна, вдруг садится рядом со мной местный ксендз. Там же, в Гродно, полно этих костёлов... Наш полковник, видимо, давно мечтал из православия к католикам перейти, вот и водил с ним знакомство. Я уж не раз его видел в компании с этим... ксендзом... Погодь, как же звали его? А, Франциск. Да, ксендз Франциск. Симпатичный пожилой, аккуратненький, вежливый. Уж как полковник хотел нас поссорить, не понимаю? Хотя нет, тот-то был вежливым, но пытливым, а вот я горячим.

— И что дальше?

— А дальше... Разговор-то быстро затеялся. Ксендз этот про воссоединение наших церквей заговорил. После 1905 года как объявили про веротерпимость, так мно-о-гие в этих местах обратно в католичество перешли. Ну, мне, сам понимаешь, это не нравилось... Так, к слову, помянул я Достоевского. Мол, почитайте его Легенду об Инквизиторе. Фёдор Михайлович не в бровь, а в глаз, как говорится, ваше католичество и обличил.

Глаза полусонного приятеля, сомлевшего от тепла натопленной печки и выпитой сливовицы, округлились.

— Ну, отче, ты загнул... Достоевский-то причём тут? Чего-то я запутался. Неужто из-за этого поругались?

— Да в том-то и дело, Поликарп, что не поругались, слава Богу. Мудрым оказался этот ксендз. Не в католичестве, говорит, дело, а в том, что любой человек, ставя выше всего хлеб и удобства жизни, попадает под власть такого инквизитора. Прав он, был, прав, — задумчиво усмехнулся Елизарий, — а я тогда погорячился, да и брякнул: что в их католической церкви свободы духа нет, потому как они Духа Святого принизили своим *филиокве*. Ну, они ведь считают, что Дух-то от Отца и Сына исходит, а не только от Отца...

— Мудрёно это, — проворчал Поликарп, почёсывая затылок, — разница-то в чём? И к чему нам разбираться-то?

— Да ты что! — вскинулся Елизарий, — разница огромная! Ведь, если Дух Святой от Отца и Сына исходит, значит, у Бога не три, а две ипостаси, а третья будто подчинённая, то есть тварная. Понимаешь ты это?

— Ну-у-у... понимаю, — покраснев от натуги, кивнул полицмейстер, — только нам-то что из этого?

— А то, родненький, что Дух Святой — Господь Утешитель, по православному равнозначное лицо Святой Троицы и, по слову Христа Господа, Сам дышит, где хочет. И все мы можем Его, Утешителя, призвать и освятиться. С Духом Святым мы все свободны, в отличие от католиков, каждый внутри себя совесть, просвещённую Им имеет, и если слушает её, то и зрячий вполне, — Елизарий перевёл дух. — Так я пастырю это и сказал. А полковник услышал и громко так спрашивает: “Так вам, батюшка, наши законы-то не указ?” Я-то, нет чтобы промолчать, не утерпел: “Законы я почитаю, а вот жестокость считаю беззаконием, ваше превосходительство”. Помню, ксендз на меня посмотрел и головой грустно так покачал: мол, умный вы, батюшка, да жаль — горячий больно. На свою голову неприятностей насобираете.

— Как в воду глядел, так, отче?

— Так, так, Поликарп, — грустно усмехнулся Елизарий. — После этого полковник на меня такую бумагу накатал, что в консистории ахнули: не повинуюсь властям, толкую о свободе, чуть ли не с бунтовщиками заодно. Хорошо, что архиепископ, что приговор мне выносил, тоже Достоевского любил, всё правильно понял. Но отреагировать должен был — так я здесь и оказался.

— Ты, отче, я смотрю, не на шутку заскучал?

— Заскучал, Поликарп, — Елизарий ощутил, как снова заныло сердце, — домой хочу съездить, родную сестру да племянника повидать. Дьячок мой Ванька уж больно на него похож, только пьяница, жаль.

Приятель наставительно пробасил:

— А я тебе говорил, не бери ты этого пройдоху — Ваньку Сопатого, не будет с него толку. Так ты всё спорил. Теперь жалуешься.

— Да как же не взять-то было его? Матери у него нет, а старенький батюшка столько лет прослужил в нашем храме. Я обещался... Живут они на одну пенсию мизерную отца Никандра. Не-е-ет, нельзя парня выгонять, вразумлять нужно.

— Ну и возись с этим обормотом, — пробурчал Поликарп Петрович, — только не такой он уж и парень... Мужику, считай, скоро тридцать, а до сих пор не женат, потому как за такого оболдуя никто замуж идти не хочет.

— Зато нрав у него весёлый, — улыбнулся Елизарий, — другой раз и Крылова процитирует, знает, шельмец, что я люблю.

— Так ты его защищаешь или жалуешься? — удивился приятель.

Елизарий замолчал.

— Жалуюсь, но... без последствий, так сказать...

— Понятно всё с тобой, отец, вольнодумец ты, — по-доброму усмехнувшись, кряхтя поднялся грузный полицмейстер, — пошёл я, даст Бог скоро свидимся.

Глава 2

Приятель как в воду глядел — вскоре и свиделись. В первых числах мая, выходя из калитки погоста, Елизарий почти столкнулся с вылетевшей из-за поворота коляской полицмейстера.

— Стой, стой, куда гонишь, окаянный? — басом заругался полицмейстер на кучера, — не видишь, ирод, что батюшку чуть не задавил? Вот я тебя... А мы, батюшка, тебя ищем с почтальоном. У Митрофана аж два письма тебе.

Из коляски ловко выпрыгнул молодой и смешливый почтальон, в фуражке на соломенных волосах, и, словно фокусник, не из сумки, а из-за пазухи выудил конверты.

— Первый раз привожу вам письма, батюшка, танцуйте! — помахал он письмами.

— Вот я сейчас кадилом по твоей спине станцую, — проворчал Елизарий, — давай сюда.

Прыткий парень сразу отдал письма и побежал в деревню уже пешком. А Елизарий удивлённо рассматривал конверты.

— От кого же это, отче? — с нетерпением спросил друг-полицмейстер.

— Первое письмо от младшей сестры моей... А второе... от отца Александра. Он в Гатчине, в моём родном храме служит. Хороший батюшка, рассудительный. Много младше меня, но как-то встретились мы с ним в епархии, разговорились так, что почувствовал я к нему симпатию, будто к родному, честное слово... Вот и обменялись адресами.

— Да-а... смотрю я, отче, что много у тебя друзей, кроме меня, — с ревностью в голосе заметил полицмейстер, отворачивая лицо.

Оторвавшись от писем, Елизарий улыбнулся.

— Брось, Поликарп Петрович, ты мой друг, а это так... знакомец...

Полицмейстер густо покраснел и поманил рукой в коляску.

— Садись, отче, довезу тебя до дома, а ты меня на чай позовёшь, письма прочитаешь и расскажешь, что за надобность в тебе приключилась.

Усмехнулся Елизарий, догадавшись, что приятель сгорал от любопытства, поэтому и захватил с собой почтальона. Но с планом согласился. Секретов от друга у него не было.

Письмо от священника было ответом на просьбу Елизария найти ему кое-какие редкие книги. Тот писал, что кое-что удалось достать, но уж больно дорого всё это отсылать. *“Поэтому приезжайте-ка сами, отец Елизарий, к нам в гости, тем более, что и вы отсюда родом. Не грех и родных навестить. А если приедете к концу июля, то, может, выручите меня — послужите месячишко. У меня надобность случилась навестить больную матушку в Москве. Благочинный и отец настоятель не против, он помнит ещё Вашего батюшку. Так что, милости просим. Тут и книги будут вас ждать. Отец Александр”*.

От сестры письмо было большим, на нескольких листах. Елизарий только вздохнул в нетерпении — любят женщины подробности. Но делать нечего, нужно читать.

“Здравствуй, любезный отец Елизарий! Давно уже собиралась тебе написать да пожалиться, что совсем ты позабыл родную сестру и племянника. Когда же, голубчик мой, ты в последний раз навещал нас? Ещё до смерти мужа моего первого. А уж прошло лет пяток, наверное.

Я тебе, батюшка, писала, что вышла замуж во второй раз. Николай Хрисанфович — мужчина во всех отношениях положительный, купец первой гильдии, и живём мы за ним как у Христа за пазухой. Хорошо живём, вернее, жили, пока Русланушка не вернулся наемником из Франции. По первости всё было прилично, отношения у них не особо тёплые, но дружеские. А в последнее время словно кошка пробежала. Русланушка вдруг замкнулся, дичиться стал, словно подросток. На мои вопросы не отвечает, сердце не открывает. А тут и выдал нам на

днях, мол, уеду доучиваться в Париж (последний годочек ему осталось), а потом и останусь там. Мы так и обомлели.

Не могу даже описать тебе, батюшка, как я расстроилась, как сердце моё сжалось болезненно. Как же буду я без единственного сыночка? Слёзы у меня так и хлынули. Николай Хрисанфович от сильной любви ко мне рассердился на Руслана, накричал, что наследства лишит за непослушание, а тот губки упрямо сжал, побледнел, но не отступился.

Помоги, братец родненький, разберись, Христом Богом молю тебя. Выясни, что же на сердце у него лежит противу нас с Николаем? Чем мы ему не угодили?

А если, Елизарушка, ты не приедешь, то уж, наверное, и попрощаемся мы с тобой — помру я, сердце моё не выдержит разлуки с единственным сыночком. Оно и так бьётся неровно, то затрепыхается, то замрёт так, что уж кажется, что и конец пришёл. А без Руслана и биться ему незачем.

Приезжай, братец, скорее! Твоя сестрица Зинаида Ильинична.”

— Ну, дело, я смотрю серьёзное, — после недолгого размышления заметил Поликарп Петрович. — Поезжай, отец, разберись.

— Да пустое, Поликарп, мало ли, какое настроение у юноши. Я тебе рассказывал про него — сложная у него судьба, слепнуть он начал. С каждым годом всё хуже и хуже видел. Немудрено, что на весь мир озлобился, а самое главное, на Бога, — Елизарий вздохнул, — тут ещё мать замуж во второй раз вышла, так и ревность подоспела. Ясно всё... Но для очищения совести съездить нужно. — Елизарий и сам не заметил, как возбуждённо заходил по комнате. — Вот договорюсь только с городским настоятелем, чтобы не оставил паству мою без попечения, да к владыке за благословением, и можно будет ехать, — он потёр в нетерпении руки, — завтра какой день? Среда? Ага... в четверг у владыки приём, как раз успею собраться.

— Ты я смотрю, отец, обрадовался шибко, что есть повод уехать отсюда?

Елизарий остановился и посмотрел на приятеля.

— Эх, Поликарпушка, как же мне не радоваться... На одном месте и камень мохом обрастает, а я тут уж и плесенью, глядишь, скоро покроюсь.

— Может, и останешься там? Вдруг тебе место в твоей Гатчине предложат по старой памяти-то?

— Да нет, Поликарп, куда мне? Кому я нужен, старый пенё?

— Ой, не лукавь, отец! Понабрался от своих крестьян хитрованности, да меня не проведёшь. Нужен-не нужен... С мужиками ты на их языке говоришь, а видел я, какие ты книги читаешь... на греческом али ещё на каком? Такой образованный да опытный везде пригодится. Конечно, жить в столице намного почётнее, чем в нашей глуши, а тебе с нами, поди, и скучно, — ворчливо закончил он.

— Что ты, что ты, Поликарпушка, не скучно мне здесь, — слишком поспешно возразил Елизарий, — да и при чём тут столица?

На это приятель ему не ответил, задумавшись. Замолчал и Елизарий, пытаясь разобратся в нахлынувших чувствах. Что-то новое и радостное звало его в родные места. Неужто и вправду жизнь снова сделает поворот? Вот только с Поликарпом будет жаль расстаться, да ещё могила матушки тут...

— У тебя, отче, в Гатчине знакомцы, а мы тоже не лыком шиты, — возвестил вдруг полицме йстер, — в самой столице на Гороховой, — Поликарп поднял толстый и внушительный указательный палец, — у меня приятель работает, однокашник мой — Силантьев Арсений Викентьевич. Чуешь? Я-то ротмистр, а он уж, наверное, подполковник! Мы с ним вместе юнкерское училище в Нижнем заканчивали, а потом и повоевать пришлось. Я-то здесь осел, а его в скором времени в столицу перевели, но связи не теряем. Душевный человек, к родным могилам ездит и меня не забывает. Так что... будет надобность, обращайся, отец, прямо на Гороховую.

— Спасибо, Поликарп Петрович, только вряд ли мне понадобится помощь твоего друга. Я же не убийство расследовать еду.

— Добро... добро... Но скажу тебе, отец, по дружбе: острый язык — дарование, а длинный — наказание. У тебя и такой, и такой имеется. С мужиками ты за словом в карман не лезешь, а в столице всё по-другому. Учти, что не всякая пословица при всяком молвится, — обиженным тоном наставлял приятель.

— Я, по Божией милости, давно уж не тот, Поликарп, что с начальством спорит, — неожиданно для себя расстроился Елизарий, — у меня с нашим владыкой и проблем-то никогда не было.

Они снова замолчали. Ходики пробили семь часов.

— Ладно, пойду я, — тяжело поднялся приятель, — зайдёшь перед отъездом?

— Конечно, конечно, — засуетился Елизарий, — мне ещё и к владыке надо, да и прикупить всего в дорогу. Буду в городе, как не зайду? Зайду... — глядя в спину полицмейстеру, приговаривал Елизарий. — Прощай, Поликарп.

Однако тот, как не крепился, а, видно, всё-таки расстроился и, выходя, просто махнул рукой.

Елизарий застыл возле закрытой двери, ощущая, как мимолётно шевельнулась жалость к другу, но быстро отбросил её и присел на скамью, чтобы собраться мыслями.

Вспомнил он Руслана. Хороший был мальчик — чуткий, музыкальный, добрый. У Елизария с матушкой деток так и не случилось, поэтому племяннику вся их любовь досталась. С каждой оказией подарки слали. В отпуск ездили к ним каждый год. Сестрица часто писала да фотографические карточки присылала. Тем и утешались.

А лет пять назад Елизарий и не узнал его — будто подменили — вытянулся в долговязого юношу, внешне красивого, с тонкими чертами лица, длинными пальцами, но характером стал дерзким и по-юношески жестоким.

Елизарий сговорился с сестрой продать прохудившийся отчий дом, пока тот совсем не развалился. Покупателя нашли быстро, и за всеми хлопотами купли-продажи с племянником много пообщаться не удалось. Поразил Елизария разговор в последний день, почти перед поездом. Руслан учился играть на скрипке, но ноты уже едва разбирал. Злился, отчаянно плакал, не таясь. Елизарий и не знал, как его утешить. Понятно, что на всё воля Божия, но мало у кого хватает смирения утешиться этой простой, но заезженной мыслью. И говорить-то её не стоило... Однако Елизарий всё-таки сказал, да и пожалел.

— Воля Божья, чтобы я ослеп окончательно? — звонким голосом переспросил тогда Руслан. — Что же у нас за Бог такой жестокий? Молишься, молишься ему, матушка уже, наверное, из-за меня все глаза выплакала, а мне всё хуже.

— Матушка? — эхом отозвался Елизарий, — а ты?

— А я и сейчас плачу, — злым голосом ответил Руслан, показывая на глаза, где, действительно, стояли слёзы, — только что толку? Где обещание Христа, что мы будем услышаны, лишь бы верили?

— Постой, Русланушка, — мягко попросил Елизарий, положив руку племяннику на плечо, — Бог всё делает нам на пользу...

— Да оставьте, батюшка, вы свои сказки, — скинул тот его руку, — нет никакого Бога, понятно вам? Нужно перестать верить и тогда всё становится на свои места. Болен — соберись и старайся выжить без оглядки на высшие силы, так хоть перестанешь быть всем в тягость. Мне вот матушка обещала, что в Парижскую консерваторию для слепых меня отправит. Вот что такое настоящая помощь... А ваш Бог меня не услышал.

Долго потом Елизарий сочинял ему ответ, целые проповеди в голове сложились, но донести их не мог, не имел возможности. В письмах красивые слова не напишешь, а встреча их

отложились на целых пять лет. Теперь вот увидятся, но время ушло, новые слова нужны. Сможет ли он их найти? Господи, помоги...

Елизарий очнулся и принялся неспешно перебирать вещи для дальней дороги. С поблекшего портрета за ним следила усопшая матушка. Остановившись перед ней, Елизарий перекрестился.

— Утешила ты меня сегодня, родимая. Видать, дошли твои молитвы до Небесного Владыки. Неужто и вправду судьба моя меняется? — на душе вдруг стало светло, — спасибо тебе, родненькая, — будто иконе он поклонился портрету жены. — Не зря народ говорит: где родился, там и пригодился, а там ведь родина моя, ты-то знаешь, матушка. Помнишь, как ты меня в дорогу, бывало, собирала? Я-то помню... Перво-наперво посылала к цирюльнику, — Елизарий взглянул в маленькое зеркало на полке, — да-а, на макушке волосы сваялись, будто гнездо воронье, — Елизарий попытался пригладить их, но те, седые да жёсткие, упрямо топорщились. — Пожалуй, к цирюльнику зайду перед визитом к владыке... Голову хорошо бы привести в порядок, а то в столице засмеют. Ишь, и борода как растрепалась. Ой, а ряса-то моя цела ли? — спохватился он, — помнишь, матушка, ты же мне её заказывала ко дню Ангела... Ткань шёлковая, хорошая, как раз на жару, — бормоча под нос, Елизарий поспешил к сундуку.

К счастью, моль не испортила дорогую вещь, и, примерив чёрную рясу, Елизарий с удовольствием отметил, что и не потолстел вовсе, а в новенькой рясе да в недавно подаренных полицмейстером башмаках он даже выше росточком сам себе показался. Здесь его вид точно никто не оценит, а вот в столице он будет выглядеть как надо. Только бы скорей доехать.

Глава 3

*И вот на дубе у лесной опушки
Плетут клубок из сплетен две подружки:
- Кума, слыхала, волк запил?
Енот машину прикупил!
- Сорока, слышала ль ты новость —
Наш заяц бездарь пишет повесть.
...Вранье неслось, как горная река.
Немало перепортив крови - медведю, зайцу и лисе,
И даже заблудившейся в лесу корове.*

(Неизвестный автор)

Елизарий и сам не ожидал, что владыко так легко даст разрешение на поездку. Впрочем, не обошлось без обещаний сугубо помолиться за преосвященного в Лавре, а впридачу привезти оттуда сувениры.

— Ну поезжай, отец, Бог с тобой. Раз уж такая надобность — сестра при смерти, — грех не буду на душу брать — запрещать. Поезжай.

Взяв билет в вагон второго класса, Елизарий первым устроился в купе и стал с любопытством ожидать остальных пассажиров.

За окном мелькали озабоченные лица, высматривавшие номер вагона. А здесь, в тиши ещё пустого купе, на душе Елизария будто соловьи запели — так домой захотелось... Давненько он не был в родных местах. Помнит ли кто его сейчас из местных? Он и сам-то себя едва помнит, того маленького.

Вот дорожка в храм... Тихий звон колокола, зовущий на службу. Они с папашенькой рано-рано утром идут на службу... Папашенька сосредоточен, но его мягкая, чуть шершавая рука надёжно обнимает пальцы маленького Елизария... Дрожащее счастье от детских воспоминаний с такой силой нахлынуло на сердце, что Елизарий чуть не задохнулся.

— Господи, скорей бы поехать, — прошептал он, оглядываясь на дверь. — Да где же попутчики?

Попутчики попались не особо дружелюбными. Две дамы сразу занялись беседой друг с другом, лишь изредка кидая на Елизария странные взгляды, а молодой человек, в дорогом костюме, и не смотрел ни на кого и всё читал непрерывно какие-то документы.

Елизарию стало немного скучно. Он было достал из саквояжа книжку Аввы Дорофея, однако сложный текст требовал тишины и глубокой сосредоточенности, чего никак невозможно было достигнуть — дамы шептались всё громче, и уже не требовалось даже напрягаться, чтоб понять их разговор. В конце концов, он отложил книгу и принялся украдкой рассматривать попутчиц.

Одна из них была пожилой, вторая — помоложе. К удивлению Елизария, та, что помоложе, с увлечением рассказывала о каком-то монастыре.

— Нет, вы не подумайте, тётушка, что я неверующая, — тут она снова оглянулась на Елизария, — но после такого... — рассказчица понизила голос, однако её свистящий шёпот был слышен всем, — вокруг ни сада, ни сквера, одна грязь, а сами монахи одеваются в дорогие одежды, без конца пьют, а на службе тоже стоят м-м-м... навеселе... Говорит, сделают земные поклоны и тотчас принимаются за болтовню и смех... она же в Великий пост ездила... а потом, когда игумен уйдёт к себе, так и хихикают непрерывно. Сразу понятно, что полупьяные... Всё время зыркают на девушек, а потом... Лариса Михайловна сказала... — молодая женщина

покосилась и продолжила: — ...как только кончится служба, сейчас рассылаются букеты цветов дамам, остановившимся в гостинице.

Следующий строго осуждающий взгляд Елизарию был послан пожилой “тётушкой”.

— Я ничуть не удивлена. Думаю, так в любом монастыре и будет, да и не только в монастыре. Что вы смотрите, батюшка, не согласны? Вы ведь всё слышали?

Елизарий прокашлялся. Внутри у него всё задрожало от возбуждения, но он попытался ответить спокойно:

— С чем же, дамы, я должен согласиться?

Молодая женщина повернула к нему своё сухощавое, не без приятности, лицо и сведя чёрные тонкие брови, тоном гувернантки спросила:

— Как с чем? С тем, что в монастырях обстановка, скорее, напоминает трактир, чем духовное заведение.

— Про какой монастырь-то вы рассказываете, матушка?

— Про Новый Иерусалим. Туда моя знакомая на богомолье ездила и прожила почти месяц... Уж еле дожидая, родимая... Так её нервы расстроились, — она снова повернулась к тётке, — что пишет, ещё немного и начала бы богохульствовать, а может, и вовсе веру в Бога потеряла бы.

— В Новом Иерусалиме не был, не ведаю, какие там порядки, а вообще-то в словах вашей приятельницы, барышня, много небылиц...

— Это каких же? Извольте объясниться, батюшка! — вступила низким голосом пожилая дама.

Дрожь в груди сменилась каким-то судорожным весельем. Елизарий знал это состояние. Давным-давно он не впадал в такой азарт, но останавливаться не собирался.

— Эх, дамы, нашли у кого спрашивать, у старого невежды, — в последний раз он попытался примириться.

— Нет уж, извольте отвечать за свои слова, — в тон пожилой отрезала молодая женщина.

— Как угодно, как угодно... — Елизарий набрал воздуха и начал: — вот скажите, зачем же ваша знакомая, окружённая такими мерзостями, прожила без малого целый месяц в монастыре? Если там было так худо, не стоило ли сразу уехать?

Женщина продолжала хмурить брови, но в её карих глазах промелькнуло лёгкое удивление.

— Ну-у, может, у неё были такие обстоятельства... — неуверенно протянула она.

— Хорошо, хорошо, — Елизарий кивнул, доброжелательно улыбнувшись, — тогда укажу вам вторую нелепицу: невозможно, чтобы все поголовно монахи страдали алкоголизмом, ведь кто-то из них звонил на колокольне, служил в церкви, убирал гостиницу, готовил обед. Новый Иерусалим всё ж монастырь, а не лечебница для пьяниц. Следующая...

Елизария прервал короткий, резкий смех мужчины, по-видимому, уже давно наблюдавшему за разговором.

— Простите, батюшка, продолжайте, — попросил он, отсмеявшись.

— Итак... следующая нелепица. Молиться Богу, да ещё при длинной монастырской службе, очень тяжело. Зачем же тогда монахи, при такой их, яко бы, беспредельной распущенности, ходили в церковь, клали земные поклоны? Думаю, при первом же поклоне никто бы уже и не встал. А в Пост поклонов мно-о-го, только успевай кувыркаться. Нет, в подпитии этого сделать никак невозможно.

Дамы переглянулись, а мужчина снова рассмеялся.

— Да вы почище любого адвоката, отче... Я сам адвокат, и знаю, что говорю. Прошу вас, не останавливайтесь.

Елизарий усмехнулся и продолжил:

— Насчёт смеха... Постоянно проводить время в разговорах и смехе — по-моему, скучно и тяжело. Да и о чём же говорить, а тем более, по поводу чего непрерывно смеяться? Самое же нелепое, на мой взгляд, то, что монахи после службы отсылали дамам букеты. Где же они доставали цветы? Ваша знакомая пишет, что ни сквера, ни сада вокруг не высажено. Неужто покупали? И как часто? И откуда же у них столько денег? — обе женщины молчали, поджав губы, — простите, дамы, я был и на Валааме, и в Соловецком монастыре и скажу вам, что те, кто хотят за женщинами ухаживать, в монастырь не поступают. Уж больно жизнь там тяжёлая...

— Ну и зачем же моей приятельнице было врать? — наконец, выдавила молодая женщина.

Вздыхнув, Елизарий ответил:

— Одна врала, другая не разобрала, третья по-своему переврала... Так и бывает. Рассказ у нас не без прикрас.

Тяжёлое молчание, повисшее после последних слов Елизария, нарушил всё тот же адвокат.

— Да, горькую пилюлю вы подсунули нашим попутчицам, — подвёл он итог, — не сердчайте сударыни, а только я батюшке больше верю, чем вашей приятельнице.

— И всё же вы не будете спорить, что нравы нашего духовенства оставляют желать лучшего, — выдавила пожилая дама. — Скажете, что пьяные монахи или... уж извините, пьющие белые священники редкое явление?

— Нет, не скажу, — помолчав, ответил он и вдруг воодушевился: — но, любезные дамы, послушайте... ведь в монастырь идут, чтобы от винопития излечиться. Кто знает, как закончат эти монахи? Может, излечатся с Божией помощью, а может, ваша приятельница, не дай Бог, действительно, веру потеряет да и запьёт с горя? А?

Дамы принялись возмущённо-сбивчиво возражать, перебивая друг друга. Но Елизарий вдруг почувствовал, что от непривычки спорить как-то резко устал, и откинувшись на мягкую спинку, уже почти их не слушал. Захотелось побыстрее выйти на воздух.

Наконец все успокоились, и остаток дороги прошёл в молчании. После остановки дамы холодно кивнули и вышли, а мужчина учтиво поклонился:

— Прощайте, отче. Теперь всем своим знакомым расскажу, какого удивительного священника довелось встретить.

Елизарий только устало кивнул.

В столице было заметно холоднее, чем в Нижнем. Небо как будто кто-то выкрасил в серо-стальные краски.

— Хорошо бы до дождя успеть, — пробормотал Елизарий, завидев чёрную тучу, наползавшую на поезд. — И чего это я зонтик-то не взял, раззява? Сейчас под дождь попаду, и единственная ряса моя пропадёт. В чём я ходить-то буду? Ишь, похоже, уж и не дождь, а целый ливень...

Поезд пришлось ждать целый час, но дождь как зарядил, так и не думал прекращаться. Прикрывая котомкой голову, Елизарий всего лишь пробежал от вокзала до вагона, но успел вымокнуть, словно под холодным душем.

— Батюшка, вы, я смотрю, без плаща и без зонта? Откуда вы к нам такой смелый? — насмешливо обратился к нему приличного вида господин, сосед по купе.

— Из Нижнего я, — обрадовавшись доброжелательному тону, ответил Елизарий, — вот сетую, что забыл про погоду-то столичную, а ведь сам я из Гатчины. Видно, старый стал, память уж никуда.

— Бросьте на себя наговаривать, выглядите вы молодцом, и не старый, и выговор у вас хороший, не деревенский, — открыто улыбнулся попутчик. — Кстати, позвольте представиться — доктор Зиновьев.

— А я отец Елизарий. Вы, ваша милость, тоже из Гатчины?

— Нет, я сюда к приятелю еду, по делам. Сам я на Васильевском острове живу, там у меня и кабинет.

— А где же ваш приятель живёт? Может, нам по пути?

— На Люцевской улице.

— А мне на... ой, забыл, сейчас найду письмо сестры, — засуетился Елизарий, — вот... на Багговутовскую нужно.

— Ну, это совсем рядом. Я вас подвезу, за мной коляска приедет. Кстати, а как фамилия-то вашей сестрицы?

— Была Кирсанова по первому мужу, а сейчас...

Доктор вдруг выпучил глаза.

— К-кирсанова? Которая вдова?

— Недавно овдовела, — кивнул Елизарий удивлённо, — Так вы её знаете?

Теперь Зиновьев почему-то сконфузился и замешкался с ответом.

— Да... то есть, нет, не знаю лично. Так... знал её покойного супруга... Впрочем, не близко знал, поверхностно...

Елизарий видел, что попутчику хочется ещё что-то добавить, он даже покраснел от внутренней натуги, однако, глубоко вздохнув, так ничего и не сказал больше. Замолчал и Елизарий. В душе его заскребла неясная тревога, но любопытствовать он не стал.

Дождь закончился, и небо, будто только-только вымытое, осветило яркое солнце. Гатчина показалась приятной во всех отношениях — дороги, хоть и с большими лужами, были ровными, коляска на ужасных колдобинах не подпрыгивала, как в Нижнем. Заметил Елизарий и тротуары, в юность его бывшие непроходимыми из-за грязи. Всё остальное было родным и знакомым — то там, то здесь проезжали на лошадках офицеры его любимого Кирасирского полка, на обочинах дороги, заросшей лопухами, мальчишки играли в городки, на крыльце сидели важные коты, — и Елизарий душой оттаял.

Теперь лишь бы сестра с мужем хорошо приняли, — немного волновался он.

— Кстати, доктор, а вы не знаете ли купца Николая Хрисанфовича Калинникова?

— Так вы к нему едете?

— Да, за него сестра и вышла во второй раз.

— Что ж... повезло вашей сестрице, — усмехнулся попутчик, похоже, радуясь, что может поболтать, — о купце Калинникове весьма хорошо отзывался мой приятель. Он у него, почти-тай, чуть не каждый день бывает. То по делу, то по-дружески. Как вы говорите, его зовут? Николай Хрисанфович? Так вот он и на новую церковно-приходскую школу пожертвовал, и на богадельню средства выделил, да ещё много куда... Только... это я вам по секрету, как его родственнику, так сказать, говорят, что горяч он чрезвычайно. Как умерла его первая жена, так дочек в оборот взял — из дома ни ногой без его разрешения... Первая-то, старшая, быстро замуж выскочила и уехала, а вторая на курсах Бестужевских в ту пору училась, но прослышал купец, что процветает в среде бестужевков нигилизм... Слышали, что это такое, батюшка? — Елизарий кивнул головой, — так грозный отец, не долго думая, забрал свою дочку и дома запер.

— Так уж и запер? — улыбнулся Елизарий.

— Ну... я уж подробностей не знаю. Всё, что мне приятель мой рассказал, то и вам передал. Не удивляйтесь, что мы всё про всех знаем, здесь же не столица... Хотя, и в столице, я думаю, так же сплетничают.

Елизарий и не удивлялся. Он пытался представить, как можно примирить с таким крутым отчимом своего ранимого, впечатлительного племянника. Задача выходила сложнее, чем ему казалось с самого начала. Но, поразмыслив, пришёл к выводу, что души молодых людей более-менее похожи. Елизарий на своём веку много перевидал молодёжи, и, наверное, Руслан не так уж от всех отличается.

Коляска остановилась возле двухэтажного деревянного дома, с резными аккуратными наличниками и с террасой, украшенной белыми колоннами. Во всём чувствовалась хозяйская рука рачительного хозяина.

Попрощавшись с приятным попутчиком, Елизарий подошёл к заборчику и остановился, раздумывая. Однако долго стоять ему не пришлось. На втором этаже отворилось окно.

— Батюшка, приехал! — ахнула высунувшаяся из окна сестра. — Наконец-то!

Но первым его встретил сам купец Калинин. Елизарий его видел очень давно, да и то мельком, и почему-то представлял себе маститым, высоким мужчиной. Но Николай Хрисанфович был хотя и высоким, однако не толстым, не особо солидным, а, скорее, худощавым, с умным лицом. Его карие глаза смотрели настороженно, оценивающе, но доброжелательно.

— Добро пожаловать, отче, — протянул он было руку к Елизарию, но в последний момент вдруг подставил ладони под благословение.

Елизарий благословил, а потом обнялся с ним, как с равным. Со слезами на глазах, без всяких церемоний сестра бросилась к нему на шею.

— Зинаида Ильинична уже все уши мне прожужжала про вас, батюшка, — приятным, спокойным баритоном заметил купец. — Что-то вы долго не приезжали к нам в гости.

Замявшись, Елизарий хотел отделаться общими фразами, но вдруг бухнул правду.

— Да как-то не хотел мешать вам, молодожёнам, — ухмыльнулся он. — Зачем вам лишние хлопоты с родственниками? Нужно ведь ещё друг с другом ужиться.

Ответ купцу понравился. Немного грустно улыбнувшись в ответ, он кивнул:

— Да, с вашей сестрой-то мы ужились, а вот с детьми не можем справиться.

— А где они, кстати? — оглянулся Елизарий.

— К обеду обещали быть. Алевтина у подруги, а Руслан с конюхом Иваном на речку коней купать поехали. Проходите, батюшка, отдохните с дороги. Слуга вам в комнату чай принесёт.

Пока Елизарий отдыхал, внизу возрастало оживление. Сначала раздался звонкий девичий голос, — это, видно, Алевтина, — понял Елизарий, а где же Руслан? Но вот снова послышались шаги и восклицания сестры:

— Русланушка, пойдём! Николай Хрисанфович уже спрашивал, ждём тебя обедать... Как не хочешь? А к нам дядя твой приехал, батюшка Елизарий... Давай, раздевайся... Обед через пятнадцать минут.

Елизарий сел в кровати. В общем-то, всё ясно — капризный юноша, которому кажется, что все ему что-то должны. Жаль, что из красивого, нежного мальчика вырос, похоже, обычный нигилист. Чего Зинаида понять не может? Обычный спор отцов и детей. Николай Хрисанфович молодец, сразу раскусил, где опасность — запретил Алевтине курсы посещать, а Руслан, небось, в Париже либеральных мыслей нахватался, вот ему в России-то и не нравится.

Елизарий, по привычке кряхтя, стал подниматься с кровати. Луч солнца скользнул по иконам в углу. Перекрестившись на них, он вспомнил свой храм. Стоит, как сирота, закрытый, — мазнуло по сердцу. Хоть бы староста зашёл да акафист почитал...

Кто-то робко постучал в дверь.

— Батюшка Елизарий, — донёсся мелодичный голос молоденькой горничной, — вас к столу просят.

— Иду, — крикнул он и про себя добавил: — ну, давай снова знакомиться, Русланушка.

Глава 4

Станным образом Руслан походил на отчима. Тонкая высокая фигура была подстать купцу. Елизарий искал в нём знакомые детские черты, однако лицо его тоже вытянулось, и прежний, пухлый мальчонка исчез. Перед ним стоял красивый молодой человек, с бледным, отрешённым лицом. Лишь глаза племянника, хотя и не зрячие, по-прежнему отливали небесной синевой, так что хотелось на них смотреть и смотреть. Елизарий протянул руку и дотронулся до его худощавого плеча.

— Здравствуй, племянничек.

Нежная тень пробежала по юношескому лицу, длинные чёрные ресницы опустились на глаза и снова распахнулись, словно испытывая, не удастся ли увидеть. Но взор остекленел. Руку Елизария слепо накрыли тонкие длинные пальцы.

— Здравствуйте, батюшка, — негромко ответил тот. — Вы всё такой же, не потолстели?

— Нет, вроде, — улыбнулся Елизарий, — можешь проверить.

Рука племянника провела по плечам, потом по длинным волосам Елизария и перешла к бороде.

— Подстриглись, небось, перед отъездом?

Елизарий крикнул от неожиданности.

— А то как же...

— Ну, садитесь, садитесь за стол, батюшка, Руслан... — нетерпеливо позвал купец, — а где Алевтина?

— Я здесь, отец.

Елизарий обернулся.

В столовую вошла писаная красавица: среднего роста, стройная девушка, с исключительно белыми волосами. Елизарий даже подумал, что на ней парик, но, приглядевшись, понял, что нет. Красотой, длинной белокурой косой и изумрудными зелёными глазами девушка, видимо, пошла в покойную мать, как понял Елизарий, невольно взглянув на большой женский портрет, висевший над камином.

— Здравствуйте, батюшка, я Алевтина, — вежливо поздоровалась она, подходя к нему, но руки под благословение не подставила, поэтому Елизарий, перекрестив её, положил руку на девичью головку.

К Елизарию подошла и взяла благословение ещё одна молодая барышня, по виду совсем скромница, с простым русским лицом, щедро усыпанным веснушками.

— Это моя подруга Вера Владимировна, — объявила с едва уловимой усмешкой Алевтина, — прошу любить и жаловать.

— Вы, барышня, небось учились вместе с Алевтиной Николаевной на Бестужевских курсах? — уточнил Елизарий.

Девушка перекинула за спину длинную пшеничную косу, заправила непослушную прядку русых волос за ухо и, неумолимо краснея, возразила:

— Нет, мы просто росли вместе, наш дом по соседству... А теперь я прихожу сопровождать Руслану Романовичу.

Руслан, стоявший возле стола, естественно услышал и кивнул, глядя в пространство:

— Вера Владимировна прекрасная пианистка.

Девушка снова покраснела.

Обед начался. Купец расспрашивал Елизария про покойную жену, про крестьян. Елизарий отвечал охотно. Второй муж сестры ему нравился своей простотой и доброжелательностью, но замечал он и властные нотки, с которыми тот обращался к слугам. Да, хоть и культурный, а всё же купец есть купец.

Не успели они откушать и первого блюда, как раздался звонок.

— Опять этот бездельник опаздывает, — проворчал хозяин.

— Вы про кого говорите? — с интересом спросил Елизарий.

— Да про приятеля своего — доктора Левина. Сколько раз просил — приходишь к обеду, изволь не опаздывать, но воз и ныне там.

— Не ворчи, Николай Хрисанфович, — быстрым шагом вошёл в столовую невысокий доктор, доставая из жилетки карманные часы на цепочке, — сегодня я всего на пять минут задержался и по уважительной причине.

— Это какой же? Кстати, познакомьтесь, отец Елизарий, это наш доктор Марк Викентьевич Левин. По какой причине вы опоздали на этот раз?

Доктор легко кивнул Елизарию и широко улыбнулся, продемонстрировав превосходные здоровые зубы, прячущиеся под чёрными, как смоль, усами.

— Ко мне тоже из Петербурга пожаловал приятель... э-э-э... Вы, Зинаида Ильинична, вроде его знаете — доктор Зиновьев.

Ложка сестры звякнула об тарелку. Елизарий заметил её быстрый смятенный взгляд в сторону мужа. Однако она взяла себя в руки и натянуто улыбнулась.

— Да, мы встречались.

— А зачем он приезжал? Давай рассказывай...

Разговор купца с доктором мало интересовал Елизария. Ему больше нравилось наблюдать за племянником. С Алевтиной у них были явно хорошие родственные отношения — та отвечала немного рассеянно, погружённая в свои мысли, но доброжелательно... Значит, не против всей семьи он настроен. Матери отвечает натянуто, но не враждебно... А вот малейшее обращение отчима вызывает в нём затруднение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.